

Елена Усачева

Вирус любви

Моя реальная жизнь.
Повести для подростков

Елена Усачева

Вирус любви

«ЭКСМО»

2013

Усачева Е. А.

Вирус любви / Е. А. Усачева — «Эксмо», 2013

Асю раздражало все: уроки, одноклассники, погода за окном. И больше всего раздражал ОН. Потому что ОН в упор ее не видел, более того – ОН был влюблен в лучшую подругу Аси, Леру Гараеву. Но вот Лерка уехала, а ее парень на глазах у всей школы начал встречаться с другой. И Асе было обидно вдвойне: за подругу и за себя, за свою никому не нужную любовь... И еще ей было совершенно непонятно, что делать, если Лера вдруг вернется в их школу.

© Усачева Е. А., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Елена Усачева

Вирус любви

Глава первая

Вселенское раздражение Аси Репиной

Ася Репина обнаружила, что влюблена. Вместе с этим замечательным чувством в ее душе поселилось раздражение на весь мир.

Ее раздражали учителя, так нудно и бестолково твердящие об одном и том же. Всем, кроме этих самых учителей, понятно, что скоро новогодние праздники, во время которых формулы, правила и законы выветрятся из голов их нерадивых учеников вместе с первыми порывами вольного январского ветра. Так зачем зубрить? Но нет, они упрямо твердят и твердят одно и то же.

Ее раздражал снегопад за окном. Эти бесконечные сугробы, сквозь которые надо продирается, с трудом вытаскивая ноги из ледяных клещей. После чего в школу приходишь вспотевшая, и твоя не самая красивая физиономия половину урока полыхает неистребимым румянцем.

Ее раздражали одноклассники, которые постоянно что-то обсуждали, ругались, давали советы, совали носы не в свои дела, притворно сочувствовали и ненатурально жалели.

Но больше всех ее раздражал ОН. Потому что ОН вел себя так, как будто ее, Аси Репиной, не было. Словно не учится она с ним в одной школе, не ходит с ним по одним улицам, не живет с ним на одной планете Земля.

Когда от этих мыслей Репину особенно сильно гнуло к полу, она подходила к зеркалу, только чтобы проверить, есть она на самом деле или уже превратилась в легкий прозрачный фантом.

Нет, она была. Невысокая, круглолицая, с короткой стрижкой, вздернутым носиком и тонкими губами. Ничего – внешность как внешность. Зато Пашка...

Эх, если бы вы только видели Пашку... Высокий, симпатичный, с каштановыми волнистыми волосами, темными внимательными глазами, сдержанной улыбкой, обалденно красивыми тонкими руками. Ведет себя несколько странно. Все нормальные мальчишки в футбол гоняют, за компьютером пропадают. А этот ходит не очень быстро, смотрит как-то чересчур пристально, музыкантом хочет быть и все время о чем-то думает. Короче, ни футбола, ни игрушек. Говорят, везунчик, за что ни возьмется, все получится.

Одна беда – он «червяк». 9 «Б» все «червяки». Фамилия классного руководителя – математика Юрия Леонидовича – Червяков, а они «червяковы дети», то есть «червяки». А с «червяками» они, 9 «А», никаких отношений не имеют.

И все было бы так, как повелось испокон веку. Они – там, громят кабинеты химии, дерутся, срывают уроки. А их замечательный, прекрасный, удивительный 9 «А» – здесь. Жили они мирно и спокойно, особенно старались не пересекаться, однако угораздило этого самого Пашку Быковского влюбиться в Лерку Гараеву!

Лерка – не кто-нибудь, а личная подруга Репиной. Два года Ася с Леркой сидели за одной партой и худо-бедно решали свои проблемы.

А тут – нате вам. Явился! Закидал Гараеву записками, стал ее подстерегать около школы после занятий¹. Быковскому было совершенно наплевать, что их класс, замечательный, пре-

¹ Об этой истории читайте в книге Елены Усачевой «Три желания для золотой рыбки».

красный, удивительный и т. д. 9 «А», гудит, как растревоженный муравейник. Ему было все равно, что Леру за все эти дела чуть не съела Наташка Жеребцова, вершительница судеб среди ашек. Ему было все равно, что Гараева даже в упор его видеть не хотела. Нет, он добился своего.

Лерино сердце дрогнуло. И ведь Репина, как истинная дурочка, помогла этому. Однажды Павел попросил Асю сделать так, чтобы Гараева во время дежурства осталась одна. И Репина уговорила Леру поубираться за них двоих, сославшись на страшную занятость. Сама же все это время мерзла возле школы, окончательно убеждаясь в том, что счастья в ее жизни нет и не будет.

Наверное, тогда, у школы, она не только продрогла, но и подхватила страшно заразную болезнь, которой сейчас заражали друг друга Павел и Лера.

Она влюбилась. Пока ноги ее мерили бесконечные метры по дорожкам школьного парка, в голове появлялись и рассыпались бесконечные картинки того, как там у них все происходит. Что они делают? Как себя ведет Павел? Короче, она столько думала об этом Быковском, что не заметила, как сама влюбилась.

Для начала Павел стал ей сниться. Бесцеремонно являлся по ночам, садился рядом с Репиной, брал ее за руку и... Что происходило после этого томительного «и», Ася обычно не успевала досмотреть, потому что от волнения всегда просыпалась. От плохого сна пропал аппетит, и теперь по утрам она оставляла свой завтрак не тронутым. Проходя мимо зеркала, задерживалась, размышляя, что такого есть в ее подруге Лере, чего нет у нее.

Ах, зачем, зачем она влюбилась? Ведь была нормальным человеком. Роман подруги все испортил. Ася начала по-другому смотреть на одноклассников, ей теперь были неинтересны сплетни и болтовня в туалете на перемене, ей стало даже все равно, что по тому или иному поводу скажет Жеребцова. Еще месяц назад ее невозможно было застать дома. А теперь она целые дни проводит в кресле, задумчиво смотрит в окно или листает бесполезный учебник. А в голове назойливо крутится мысль: «Влюбились... В кого-то влюбились... В кого-то! Но не в меня. Почему? И что это вообще такое – любовь? И зачем она существует в этом мире? И что там, ЗА любовью?»

Встречаясь с Павлом в коридоре, Ася молниеносно краснела, отчего чувствовала себя неловко, боясь, что ее смущение заметит вся школа. Ну, и самое-то страшное – Быковский даже не смотрел в ее сторону. Он слушал музыку, отбивая пальцами правой руки ритм, или встречался с Лерой.

В Асиной душе мучительно боролись два чувства – дружба и любовь. С одной стороны, она не должна была предавать подругу и увлекаться Павлом. Но с другой-то стороны, жизнь одна, и каждый ее проживает за себя.

Репина, наверное, умерла бы, потому что ее душа неминуемо разорвалась бы на кусочки, не в силах что-либо выбрать, когда на 9 «А» обрушилось неожиданное известие – Лера Гараева срочно уезжает к своему папе в Махачкалу. В один день они с мамой собрались, сели на самолет и...

Вот, собственно говоря, и все. Никаких «и» не последовало. Лерины обещания, что она скоро вернется, обернулись единственным разговором по телефону, который в основном состоял из пауз и пустых вопросов.

- Как дела?
- Нормально. А что у вас?
- Здесь снега нет. Тепло. Что в классе?
- Все то же. Наумова с Янчиком поругались.
- Понятно.
- Пауза.
- Скоро вернешься?

– Отец говорит, что через неделю станет ясно. А пока они меня в местную школу записали.

– И как там?

– Скучно.

Пауза.

– Он тебя хотя бы проводил?

– Да! Ты представляешь, я ему рыбок отдала. Ты узнай, как там они! Пусть не обижают! Я за ними вернусь.

– Обязательно узнаю.

Пауза.

– Ну, ты звони!

– И ты звони! Я сейчас узнаю, какой тут номер...

Было слышно, как на том конце провода положили трубку на что-то жесткое, простучали шаги, потом что-то упало, и связь прервалась. Больше Лера не звонила. Хотя Репина честно выполнила задание.

На одной из перемен она подошла к Быковскому и, мучительно краснея, спросила, как поживают отданные ему на сохранение золотые рыбки.

– Рыбки, рыбки, – внезапно пропел Павел и улыбнулся.

Репина почувствовала, как у нее вспотели ладони. От этой улыбки она начала медленно таять.

Ну почему? Почему он не обращает внимания на нее? Почему он думает только о Гараевой?

– Пашенька, – промурлыкал рядом чей-то голос.

Как в замедленном кино, Ася сначала увидела появившуюся под локтем Быковского белую кисть, потом над его плечом выступило лицо, и во всей своей красе нарисовалась Лиза Курбаленко.

– О чем говорим? – спросила Лиза, снисходительно поглядывая на Асю.

В этом взгляде читалось и то, что Репина из другого класса, и то, что она рядом с красивой Курбаленко – пигалица, и то, что ее здесь вообще не должно быть. Видимо, у Аси заметно вытянулось лицо, потому что Лиза рассмеялась.

– Ну, чего тебе? – грубо поинтересовалась она у Репиной.

Павел тоже поначалу улыбался, а потом вдруг стал серьезным и посмотрел в сторону.

– Ты передай ей, что все хорошо, – заговорил он так, словно находился не здесь и не сейчас. – А еще скажи, что я позвоню. Обязательно позвоню. У тебя есть ее телефон?

Телефона у Аси не было. Она развела руками, собираясь сказать, что скоро Лера позвонит сама и тогда обязательно оставит номер телефона. Но объяснить ей не дали.

– Ой, ну пойдём уже, – потянула Курбаленко Быковского в сторону.

Они уходили. Ася смотрела им в спину, и вот в этот-то момент в ней и родилось вселенское раздражение. На себя, на мир и, конечно же, на Павла Быковского.

Как он мог? Нет, ну как он мог? Лера только-только уехала, а он уже ходит с другой! И это называется любовь? Или он ее уже разлюбил? Но разве так бывает? Еще вчера говорил: «Жить без тебя не могу», а сегодня забыл? Любовь – это же не на дни и не на часы. Это навечно! Иначе никакая это не любовь, а сплошной обман.

Быковский с Курбаленко ушли, а Репина все стояла и стояла. В голове ее родилась длинная речь, которую она непременно выскажет Гараевой, как только та позвонит. Она скажет все, что думает о Павле и вообще обо всех мужиках, вместе взятых. Она откроет Лере глаза на ее глупые мечты.

Так Репина простояла бы всю оставшуюся жизнь, если бы ее не толкнул кто-то из проходивших мимо – перемена, знаете ли, и нечего тут из себя памятник изображать.

Незаметно для себя Ася заплакала. От обиды, что все так вышло. А главное – ее надежды на то, что после отъезда подруги Павел обратит внимание на нее, не оправдались. Все было плохо, даже не в масштабах города или страны, а в масштабах Вселенной.

С тех пор прошла неделя. Репина и сама не заметила, как стала хуже учиться, отвечать на вопросы невпопад, являя собой еще больший пример тормоза, чем толстая Светка Царькова, которая вечно «ловила вафли», а потом лезла ко всем с вопросами: «Что произошло?» да «Кто это сделал?».

Класс жил дальше своей жизнью, совершенно не замечая, что рядом ломается судьба и чей-то поезд бытия летит под откос.

– А вы видели, в какой шубе сегодня пришла Алевтина? – Наташку Жеребцову настолько распирало это сообщение, что она даже в класс войти не успела. Так и остановилась на пороге. – Вот в такущей! – Она развела руками, пытаясь показать объем верхней одежды завуча Алевтины Петровны. – Еле в дверь протиснулась. Все беспокоилась, что заденет ею за гвоздь. Вокруг нее математик так и увивался.

– Ой, красивая, наверное, – сложила на груди ладони Светка Царькова.

– Да какая красивая! – Жеребцова бросила сумку на парту. – Уродливее не придумаешь!

– Шуба? – ахнула Царькова, в представлении которой подобная верхняя одежда не могла быть некрасивой.

– Ты что, шубы вблизи не видела? – недовольно фыркнула Юлька Наумова, Наташкина подруга.

– А ты видела? – раздался насмешливый голос.

В классе все сразу замолчали, потому что начиналась главная потеха – бой между белобрысой Юлькой Наумовой и чернявым Янчиком Константиновым. Ян никогда не упускал случая поддеть Юльку, Наумова тоже не давала своему противнику скучать. Споры и крики между ними вспыхивали постоянно.

– Представь себе! – бросила в его сторону Юлька.

– Я вижу эти шубы, – скривил лицо Янчик. – Вот такие. – Он показал длину чуть ниже спины. – И вот такие. – Он распахнул отвороты пиджака и манерно запрокинул голову.

– Ага, ага! – поддакнул его сосед по парте Майкл Махота. – И вот такие! – Он наклонился, забрасывая полу пиджака на спину, намекая на то, что самая важная часть тела, та, что находится ниже спины, выше ног, должна быть оголена.

– Ой! – ловко перевела разговор Жеребцова. – А ты-то в чем ходишь? В бомжатнике?

Бомжатником у них в классе называлась серая невзрачная куртка, а еще проще – короткая искусственная шуба.

– Ага, – весело прищурился Майкл. – Последней модели.

– От Кардье небось, – хихикнула Юлька.

– От него самого! – выкрикнул Константинов. – Гляди, Наумова иностранные слова запоминать начала. Долго учила? Все этикетки в магазине прочитала?

Наумова стремительно покраснела. Так краснеть умеют только обладатели рыжих шевелюр или люди с очень светлыми волосами, к коим Юлька и принадлежала.

– Да ты знаешь кто? – Юлька покрутила головой в поиске подходящих эпитетов.

– Догадываюсь, – спокойно отозвался Ян. Махота за его спиной уже складывался пополам от смеха. – Или ты хочешь блеснуть знанием новых слов?

– Придурок! – выпалила Юлька.

– Было, – усмехнулся Ян.

– Тормоз недобитый!

Прищурившись, Константинов посмотрел в потолок, словно что-то высчитывая.

– Не катит, – снова повернулся он к Наумовой.

– Гоблин в юбке!

– Не по адресу, – зло оскалился Ян. – Это ты к Царьковой обращайся. Ну что, выдохлась?
– Сам смотри не надорвись, – не выдержала Жеребцова. В подобных словесных баталиях, случавшихся в их классе постоянно, Наташке приходилось защищать подругу. – Что ты его слушаешь? – потянула она Юльку к парте. – Мальчики, идите играть на детскую площадку, не мешайте взрослым, – махнула она рукой в сторону Яна и Майкла. Оба они в ответ дружно заржали.

– А что Царькова-то? – раздалось с последней парты, и тут уж засмеялись все. Махота надул щеки и с шумом выпустил воздух.

– Ну что ты фырчишь, как слон! – не выдержала Аська.

Все-таки ее раздражение сыграло свою роль. В хорошем настроении она ни за что не накинулась бы на Майкла. Какое ей дело, о чем они говорят и над кем смеются? Но сейчас терпеть все это было выше ее сил.

– О, еще одна красавица. – Рот Махоты ширился в безудержной улыбке. – Что ты там провякала?

– На себя посмотри! – Репину несло, и остановиться она уже не могла. – Обезьяна в штанах!

Конечно, Майкла нельзя было назвать красавцем. Невысокий, крепкий, круглолицый, маленький вздернутый носик, пухлые мясистые щеки, небольшие глаза. Но он-то себя, конечно же, считал неотразимым, поэтому отреагировал молниеносно.

– Эй ты, козявка! – медленно встал со своего места Махота. – Я ж тебя зашибу, никто и плакать не будет.

Ася успела пискнуть и нырнуть за парту. Майкл, опрокидывая на своем пути стулья, метнулся за ней.

Полетел с подоконника на пол горшок с геранью – Репина удачно задела растение локтем, когда пробиралась вдоль окон, подальше от разъяренного одноклассника, в спасительный угол.

Парта наклонилась, посыпались учебники – Майкл рванул ее на себя, чтобы освободить проход.

Ася успела добраться до шкафов, занимавших всю дальнюю стену, и заметалась на месте. Дальше бежать было некуда. Она попыталась протиснуться мимо Царьковой. Но ее стул был отодвинут почти до самых шкафов, поэтому сразу пройти Репиной не удалось. Пока она толкалась в попытке сдвинуть толстую Светку с места, Махота обежал ряд и уже стоял напротив нее.

Раздалась трель звонка на урок. Дверь класса хлопнула, впуская математика Юрия Леонидовича Червякова.

9 «А» быстро разобрался по своим местам, оставив прыгавшего по проходу Майкла на самом виду. В азарте погони он еще пытался дотянуться до Аси, спрятавшейся за неповоротливой Царьковой. Холодный голос математика остановил его:

– Махота, ты забыл, где твое место?

Журнал лег на стол – намек, что все могут сесть. Чтобы не привлекать к себе внимание – Червяков терпеть не мог, когда на его уроке происходило что-то, не относившееся к занятиям, – Репина пролезла за стулом Царьковой и села рядом.

Только бы ее не заметили, иначе вызовут к доске, а это сейчас, в середине декабря, было бы нежелательно – из темы она ничего не знала, а на исправление стопроцентной двойки времени уже не было.

– О чем говорили-то? – шепотом спросила Светка. У нее была феноменальная способность пропускать все самое интересное, а потом долго у всех выспрашивать, что произошло.

– А, ерунда, – поморщилась Ася, пытаясь спрятаться за спину сидевшего перед ней Васьки Крылышкина. Выбор оказался не самым лучшим – Васька был длинный и тощий. – Решали, на кого Янчик больше похож – на гоблина или на крокодила.

– Что это вдруг? – задумчиво протянула Царькова, изучая спину сидевшего на другом ряду Константинова.

– Ну, и что это за разговоры? – не выдержал Червяков – все-таки Светкин шепот никогда нельзя было назвать тихим. – Не берите дурных примеров с 9 «Б».

– А что 9 «Б»? – тут же переспросила Наташка.

– 9 «Б», мне кажется, делает все, чтобы к концу четверти заработать себе коллективную двойку по поведению. – Юрий Леонидович медленно листал учебник.

– А правду говорят, что они хотят закрытую вечеринку устроить? – неожиданно вылез вперед Махота.

– Это мы еще посмотрим, – холодно ответил математик. – Начинаем урок.

Заветные слова тишины в классе не прибавили.

– С чего ты взял? – повернулась к Махоте Жеребцова.

– Надежные сведения, – солидно покачал головой Майкл.

– От кого? – не унималась Наташка. Ей всегда все нужно было знать наверняка.

– От Пушкина! Что привязалась?

Жеребцова на секунду выпрямилась, что-то для себя решая, а потом опять склонилась в проход.

– Гонишь! На фиг им выпендриваться?

– Гонит твоя Наумова, а я говорю, – огрызнулся Махота и сел ровно.

Ася сначала просто с любопытством наблюдала за их перешептываниями, и только потом до нее дошло, о чем идет речь.

Закрытая вечеринка! Ничего себе, «червяки» отчебучили! После всего случившегося они еще не уgomонились? Только за последний месяц они успели налететь на пару крупных скандалов с учителями. Что же они еще задумали?

Репина вздохнула свои короткие волосы и легла на стол, положив подбородок на кулак.

Урок математики прошуршал над ее головой, не оставив о себе ни капли воспоминаний. Звонок застал ее в том же положении – лежащей на парте.

– Давай быстро! – торопила Наташка соседку Наумову. – Что копаешься? У меня времени нет.

– Да иду я, иду! – Засовывать учебники в сумку Юльке пришлось уже на ходу. – Куда ты летишь?

Эта возня пробудила Репину от мечтаний, главным героем которых был, естественно, Быковский. Она встала, довольно потянулась и оглядела пустой класс.

– Ну что? – жизнерадостно посмотрела она на Светку. – В столовую?

Та Светка Царькова, которую Ася знала без малого девять лет, та Светка Царькова, что всю жизнь провела на последней парте около окна, та Светка Царькова, никогда не обижавшаяся на шуточки, что безостановочно отпускали в ее адрес одноклассники, так вот – та Светка Царькова на предложение пойти позавтракать побежала бы впереди всех. Но эта Светка Царькова, вдруг ставшая какой-то чужой и незнакомой, посмотрела в окно и вздохнула:

– Не пойду.

Репина подумала, что она ослышалась.

– Куда? – переспросила она. Вдруг Светка ее не поняла?

– В столовую не пойду, – менее уверенно произнесла Царькова. – Я на диете.

– На чем? – Побулькивающий от голода желудок Аси испуганно сжался. А как он еще мог среагировать на это страшное для всех женских желудков слово «диета»?

– Худею я! Непонятно, что ли? – раздраженно отозвалась Светка. – Ну что ты уставилась? Вам всем можно, а мне нельзя?

– Что можно? – всю «тупила» Репина.

– Быть худыми! Я тоже хочу!

– Тебе это не грозит! – чуть не сорвалось с Асиных губ, но она вовремя сдержалась и только промямлила невразумительное: – А-а-а... А зачем?

– Хочу в старые джинсы влезть, – добродушно призналась Царькова.

– И все? – изумилась Репина такой пустой причине.

Она никогда в жизни не обращала внимания на свой вес, ей нравилось быть такой, какая она есть, поэтому на такую ерунду – влезает она в джинсы или нет – Репина просто не обращала внимания. В конце концов, можно было надеть разношенные штаны.

– Хочу измениться, – мечтательно запрокинула голову Царькова. – Внешне. А потом и внутренне. Тогда я стану интересной для других!

Ася непроизвольно фыркнула. Уж чем-чем, а интересом к себе Царькова обделена не была. Из-за своих бестолковых вопросов она и так была постоянно в центре внимания.

«Вот ведь глупость-то», – покачала головой Ася, покидала тетрадки в сумку и побежала в столовую. Чтобы она из-за какой-то мифической чужой заинтересованности начала голодать! Да никогда в жизни! Пусть ее любят такой, какая она есть!

Из-за болтовни с Царьковой в столовую она прибежала последней. Здесь уже была толпа. 9 «А» получил свои булки с сосисками и расположился на трех больших столах. Ася оказалась в хвосте 9 «Б». Будь с ней сейчас Лерка Гараева, она бы наверняка заняла ей место, и Репиной не понадобилось бы топтаться на выселках. Но пока в классе других подруг у нее не было, поэтому пришлось отстаивать длиннющую очередь. Да еще рядом с «червяками», которых Репина терпеть не могла. Впрочем, как и все ашки. Оба класса находились в состоянии «холодной войны». До открытых конфликтов дело не доходило, но отчужденность внутри параллели имелаась.

Ася была настолько увлечена мыслями о своем безрадостном будущем без Гараевой, что не сразу заметила, за кем стоит.

Перед ней высилась широкая спина Быковского.

Это открытие было до того неожиданным, что она застыла на месте. Павел удалялся в сторону окошка раздачи, а Репина все стояла и стояла, глупо улыбаясь.

Эйфория радости от внезапной встречи длилась недолго. Сбоку вынырнула уже знакомая узкая ладонь и прошла сверху вниз по спине Быковского. Словно в полусне, Репина проследила взглядом от кончиков пальцев по тонкой руке, облаченной в черный свитер, до плеча, на который падало несколько темных локонов.

Курбаленко.

Так, значит?

Аппетит у Аси сразу пропал. Она развернулась и уже собралась было выйти из столовой, как вдруг встретилась взглядом с Константиновым.

Он сидел за ближайшим к окошку раздачи столом и, не отрываясь, смотрел на эту сладкую парочку.

Что-то такое она слышала. В пылу очередного спора с Наумовой Янчик назвал Курбаленко эталоном красоты. И, судя по всему, «эталон» к Константинову не благоволил.

Странная, тягучая тоска погнала Асю по школьным коридорам, не давая возможности остановиться и подумать. Надо срочно что-то делать. Нельзя все оставлять в таком виде! Но что? Что предпринять? Это по части Жеребцовой и Махоты – сразу от слов переходить к делу.

Репина же не представляла, с чего начать. Требовалось срочно с кем-то посоветоваться.

А с кем тут посоветуешься? Гараевой нет. Ни с кем из одноклассников она не смогла бы вести задушевных бесед.

Родители? Но им уже давно нет дела до проблем дочери. Отец пропадает на работе, а по вечерам предпочитает общаться с книгой или телевизором. Мать слишком занята младшими Аськиными братьями, близнецами Санькой и Ванькой. В доме не принято обсуждать личные вопросы, только семейно-бытовые – кто моет посуду, кто выносит мусор.

Она и не стала бы говорить. О чем беседовать с людьми, родившимися и выросшими в стране со смешным названием Советский Союз? С людьми, которые до сих пор покупают продукты впрок, опасаясь, что в какой-то момент их вообще перестанут привозить в магазины, которые по вечерам готовы слушать бардов вместо того, чтобы врубить что-нибудь более современное?

Нет, Ася, конечно, любила своих родителей. Они у нее были клевые, даже в чем-то забавные. Она обожала внезапные семейные вечера, когда отец брал гитару и со словами «Тряхнем стариной!» до позднего вечера пел Визбора и Окуджаву, Ивасей и Щербакова. В такие моменты даже шумные Санька с Ванькой были тихи и послушны. Она любила пахучие мамины пироги и борщи. Наверное, родичи многое понимали в жизни, но в любви не секли – это уж точно.

И снова в душе у Репиной всколыхнулось раздражение – на бестолковые перемены, на пробегавших мимо веселых учеников, на беспечно беседовавших старшеклассников. Она уже была готова подойти к первому попавшемуся окну и тупо выговорить все свое раздражение в холодное стекло, когда заметила странную картину.

Наташка Жеребцова кого-то пыталась высмотреть из-за угла коридора. Она старательно тянула шею и разве только на мысочки не вставала, чтобы лучше было видно.

Ася остановилась. В коридоре не было никого знакомого. Вернее, никого из тех, кого бы могла знать Репина. И еще вернее – никого из их параллели. В небольшом загончике топтались старшеклассники то ли из десятого, то ли из одиннадцатого – Ася в них не разбиралась. Эту толпу и изучала Жеребцова.

На каком они сейчас этаже? Репина покрутила головой. Погруженная в свои мысли, она и не заметила, куда забрела.

Ага, на четвертом. Надо посмотреть, у кого сейчас химия или физика.

Ася только на секундочку отвернулась, а Жеребцовой на месте уже не оказалось. Схватив Курбаленко под руку, она быстро шла к лестнице.

Странно. На этот раз Лиза была одна, не тащила рядом с Павлом.

Бывают же чудеса на земле!

– Привет!

Голос, раздавшийся над ее головой, прозвучал настолько неожиданно, что Репина слегка присела. Ну, как бывает во время грозы – грохочет гром, и у тебя от испуга подгибаются колени.

Ася задрала голову и покачнулась. Широкая ладонь поддержала ее сзади, чтобы она не кувыркнулась.

Павел?

Быковский еще шире улыбнулся и еще громче сказал:

– Привет!

Над головой Репиной снова бабахнул гром, взлетело с десятков петард, таких, знаете, самых громких и ослепительных.

Павел! Пашенька, Павлунчик, Павлушечка – ласковые вариации этого имени она могла придумывать до бесконечности.

«Черт, голову не вымыла!» – мелькнуло на горизонте ее затуманенного радостью сознания. Ведь это он, ее рыцарь, ее герой, сам подошел и поздоровался. Для этого ей ничего не пришлось делать. Она просто стояла, а он просто подошел. И сейчас стоял рядом. Такой большой. Такой красивый. Такой сильный. Из его глаз лился радужный свет. От его улыбки во все стороны распространялось столько тепла, что снег за окном начинал таять. Он повелевал мирами и командовал звездами. Он легко мог взять их школу, поставить ее на ладонь, дунуть, и она поплыла бы по воздуху, как настоящий воздушный корабль. И они бы с ним вдвоем стояли на этом корабле и, раскинув руки, ловили на свои лица теплый ветер.

На секунду Репиной и правда показалось, что ее раскаленные щеки овеивает прохладный ветерок, и она еще шире заулыбалась.

Ася видела, что Павел что-то говорит – губы шевелились, двигались щеки, менялось выражение глаз, но она ничего не слышала. Вокруг разливался радостный перезвон колокольчиков – это был его голос.

Он с ней разговаривает!

Он!

– Да... – медленно произнесла Ася, не узнавая своего голоса.

Быковский перестал говорить, ожидая какой-нибудь реакции на свои слова, а она все стояла и улыбалась.

Правая бровь Павла дернулась и полезла вверх. Репина продолжала купаться в блаженных волнах счастья.

Ее бог и кумир первым подошел к ней, поздоровался и сейчас о чем-то говорит. Он о ней помнит. Он о ней думает...

Павел кхмыкнул, намекая на то, что пауза затягивается.

– Да... – повторила Ася и почувствовала, что щеки у нее уже болят от широкой улыбки, но не улыбаться она не могла.

– Да – это ты сделаешь или не сделаешь? – решил уточнить Быковский, чуть склоняясь над низкой Репиной, чтобы ей лучше было слышно.

В душе взорвался новый фейерверк восторга. Он хочет, чтобы она что-то сделала! Она нужна ему. Он без нее пропадет.

Репина вдруг спохватилась, что надо ведь что-то отвечать.

– Сделаю, – быстро заговорила она. Действительность тут же обрушилась на ее закружившуюся от счастья голову – разговоры, крики, топот ног, косые взгляды. – А что?

Улыбка сбежала с лица Павла. В глазах появилась тревога. Он еще больше склонился, глядя Репиной прямо в лицо. Еще секунда, и она утонула бы в коричневом море его глаз – ведь он рядом, и ей больше ничего не надо. Но что-то не давало ей окончательно провалиться в омут восторга, позволяя балансировать на самой краешке сознания.

Тонуть рано. Надо слушать. Надо держаться.

– Когда будешь в следующий раз разговаривать с Лерой... – начал он неуверенно.

– Да... – снова кивнула головой Ася, чувствуя, как звуки его голоса снова уносят ее на облака.

– У тебя ничего не болит? – с тревогой спросил чуткий, внимательный, невероятно осторожный Павел.

Что у нее может болеть, когда рядом Он!

– Да...

Вообще-то она хотела сказать «нет», но по инерции сначала кивнула, а потом из нее вырвалось уже не раз произнесенное «да».

– А! – облегченно протянул Быковский и выпрямился. – Так ты лечись!

Он заботится о ней! Он желает ей добра! И это «да» снова сорвалось с ее губ.

– Да... – выдохнула Ася.

– Ты скажи Лере, что разговаривать нужно только со мной, не с мамой. Мама ничего не передаст. Ты поняла? – Он снова вопросительно посмотрел на Репину. – Только со мной.

Убедившись, что его просьба дошла до Асиного сознания, Павел ушел. А вместе с ним ушел свет, улетели планеты и звезды, успокоился космический ветер, погасло солнце за окном.

– Репина, что с тобой?

Перед ней остановилась Жеребцова и, так же как перед этим Павел, заглядывала ей в глаза. А она, ссутулившись, с повисшими вдоль тела руками, стояла посреди пустого коридора – звонок прозвенел несколько минут назад – и с грустью смотрела в пол.

Глава вторая

В Сингапуре добывают алмазы

Нет, слишком уж много всего навалилось на несчастную Асину голову. Услышав Наташкин голос, она неожиданно для себя расплакалась.

– Ты что? – сразу посерьезнела Жеребцова. – Из-за Быковского, что ли?

Репина кивнула и заревела в голос.

– Из-за Курбаленко? – повела разговор в свою сторону Наташка.

Ася снова кивнула и громко всхлипнула.

– А как Гараева?

Этот вопрос поставил Репину в тупик. Она глубоко-глубоко вздохнула, перебивая очередную всхлип, и на выдохе спросила:

– А при чем тут Гараева?

– Она знает, что он с Курбаленко ходит?

Да, да, да, он ходит с Курбаленко, и это сейчас разорвет Асино несчастное пострадавшее сердце! Да, да, он держит ее за руку и заглядывает в глаза, как никогда-никогда не сделает с Асей. Он никогда-никогда не подойдет к ней, не спросит, как у нее дела, куда они сегодня пойдут. Он не посмотрит в ее болотного цвета, с искринкой, глаза, не скажет, что рад видеть. Никогда... Никогда-никогда он ее не полюбит...

Слезы потекли ручьем, и вместо ответа из горла вырвался обыкновенный рев.

– Что, сказать не можешь? – переспросила Жеребцова.

Ася качнула головой. С носа у нее сорвалась большая капля и упала на затоптанный линолеум.

– Да что ты все реवेशь? Сейчас что-нибудь придумаем.

Ася подняла на Наташку заплаканные глаза.

Сегодня у нее выдался какой-то день чудес. Сначала Быковский, теперь вот сама Жеребцова предлагает ей помощь.

Наташка оглянулась, быстро соображая.

– Только не в школе это надо делать, а где-нибудь в другом месте.

– В другом месте? – как эхо повторила Ася.

– Да! – В Наташкиных глазах скакнули лукавые чертики. – И я даже знаю где. Пошли!

– А что надо делать? – послушно двинулась за Жеребцовой Репина.

– Сейчас решим! – бросила через плечо Наташка, направляясь к лестнице.

В Наташке бурлила и клокотала невероятная энергия. Ее хватало на саму Наташку и еще на десяток человек, с которыми она общалась. Она любила командовать и принимать решения за других. И если что-то решала, то все должно было получиться только так, и никак иначе!

Не веря в свою удачу, Ася бежала следом, от счастья разве что не подскакивая на каждом шагу. Ведь теперь все ее проблемы, можно сказать, решены, раз за дело взялась сама Жеребцова. А ей всегда так нравилось, когда кто-нибудь брал ответственность на себя, распоряжался, а сама Репина шла следом. Очень уж она не любила принимать решения. Ей легче было соглашаться с уже придуманным кем-то планом, чем действовать самой.

Наташка тут же развила бурную деятельность. Как только отзвенели звонки со всех уроков, она царственно махнула рукой Янчику:

– Костян, плыви сюда!

Константинов долго уговаривать себя не заставил, через секунду он уже был около ее парты. Асе оставалось только повернуться, потому что сидела она перед Жеребцовой и Наумовой.

– Дело на сто рублей, – сразу заговорила Наташка. – Тебе не кажется, что кое-кто зарвался?

– Кажется, – лицо Яна стало серьезным.

– У тебя же с ним свои счеты? – подливала масло в огонь Жеребцова.

– Предположим, – уклончиво ответил Константинов.

– Что ты ломаешься! – не выдержала Наумова. – Сразу говори: ты с нами или нет?

– Не с тобой, это точно, – мгновенно отреагировал Ян.

– Да погодите вы! – хлопнула ладонью по столу Наташка. – Тут вон человек слезами и соплями исходит, а вы цапаетесь!

Все трое повернулись к Асе. От такого пристального внимания ей стало неловко.

– А что такого? – с явным сочувствием спросил Константинов. Репина и не ожидала, что всегда едкий Ян может за кого-то переживать.

– Лерка скоро вернется, а Быковский с Курбаленко ходит, – четко разложила все по полочкам Жеребцова. – Ты представляешь, что будет? Конечно, Аська переживает.

От этих слов голова у Репиной снова пошла кругом. Ей хотелось вскочить и закричать, что все не так! Что плакала она не из-за Гараевой, а из-за себя! Но храбрости все это произвести у нее не было.

– Так давайте Курбаленко все объясним, – предложила Юлька.

– Я тебе объясню! – показал кулак Константинов. – Только тронь.

– Ой, ой, ой, – скривила губы Наумова. – Подумаешь! Она тебя и не замечает.

– Ну, хорош! – Наташкина ладонь снова хлопнула по крышке парты. – Дело сначала сделайте, а потом хоть передеритесь!

– А что тут делать-то? – зло сощурилась Наумова. – Подкараулить его в темном переулке и навалить.

– Зачем навалить-то? – Жеребцова подняла было руку, чтобы снова хлопнуть по столу, но сдержалась. – Он ничего не поймет, если его просто так побить. Как-то надо объяснить, что он неправильно себя ведет. Мы не можем позволить, чтобы наших ни за что ни про что обижали!

– А с чего ты взяла, что Лерка обижена? – осторожно спросил Ян. – Может, они перед ее отъездом поссорились?

– Расстались они? – повернулась Наташка к Репиной. Ошарашенная Ася отрицательно качнула головой. – Видишь? – Жеребцова снова посмотрела на Константинова. – Никто ни с кем не расставался. Это он воспользовался Лериным отсутствием и устроил такую подставу!

– А еще Курбаленко верещала в классе, что Лерка ненормальная, что она из-за Быковского в окно прыгала, – с явным удовольствием сообщила Юлька.

– На себя посмотри, – снова не выдержал Ян. – Нашлась нормальная! Ты на что способна? Других обсуждать?

– Да ну вас, – вскочила Наташка. – Мы с Асей сами что-нибудь придумаем.

Она потянулась, чтобы схватить Репину за руку и уйти, но Ася испуганно дернулась, боясь, что ей действительно придется что-то придумывать против Павла, и Жеребцова поймала только воздух.

– Да слушаем мы, слушаем, – толкнула подругу Юлька. – Что ты придумала?

– Пока ничего. Но без наказания этого оставлять нельзя! – И как заправский полководец она посмотрела на свою небольшую армию.

У Аси на мгновение помутилось в глазах. Вот это она попала!

– Так как? – Константинов оглянулся на пустой класс, а потом наклонился к окну. – Сейчас Майкла свистнем и поговорим с Быковским по-своему. Что тут думать?

– Разговорчивый нашелся! – скривила губы Юлька. – А мы тут, значит, просто так сидим?

– Нет, поговорить – этого мало. – Наташка нервно барабанила пальцами по столу. – Это не подействует. Нужна хорошая идея, чтобы ударить наверняка. Ладно, я что-нибудь придумаю. –

Она посмотрела на Асю, к концу их совета заметно позеленевшую. – Не переживай, Репина! Даже если он к Гараевой не вернется, то запомнит это все равно надолго.

Не чувствуя под собой ног, Ася вышла из класса. Непривычная тишина школы, в которой уже давно закончились занятия, давила на уши. Все вокруг нее плыло, как в тумане.

На улице снег падал крупными легкими хлопьями. Он ложился Асе на плечи, и ей почему-то от этого становилось очень тяжело.

Лера! Ну, позвони же ты, Лера! Один маленький звонок, и все беды будут решены. Ася ей все расскажет, все объяснит. С кем же ей еще посоветоваться, как не с лучшей подругой?

Но она не звонит. Который день уже не звонит. И если это затянется, то Павел непременно попадет в беду. Из-за Репиной и попадет.

Может, еще не поздно что-нибудь сделать? Например, предупредить его?

Репина выпрямилась.

Да, да, его надо всего лишь предупредить, и все закончится. Он, такой большой и уверенный, ходит по улицам, улыбается людям и даже не подозревает, какая опасность нависла над его головой! А так он сразу же уедет куда-нибудь далеко-далеко. Возьмет билет, сядет на поезд и уже из какой-нибудь Африки будет писать Асе длинные письма.

«Благодарю тебя, спасительница моя! Сейчас, когда между нами километры полей, равнин, гор и океанов, я понял, что ты для меня значишь...»

Дома Репина положила перед собой лист бумаги и задумалась. Во-первых, надо писать левой рукой, печатными буквами, чтобы почерк стал неузнаваемым. Во-вторых, текст должен быть безликим. Что-то типа: «Берегись! Тебе угрожает опасность...» Или: «Держись подальше от Курбаленко, иначе побьют». А можно так: «Дорогой, любимый, единственный, беги скорее за высокие горы, за синие моря, потому что только там, за горизонтом, мы будем счастливы». И подписаться – «В. Р.».

Или «Р. В.»?

Репина Василиса...

Ася вздохнула и... и...

Рука сама легла на стол, а пальцы непроизвольно вывели: «Павел».

Чувство было странное, потому что писала она это имя впервые.

Когда строчка закончилась и рука стала более уверенно выводить заглавную «П», Репина чуть изменила слово. По странице запорхали имена – Павлушечка, Павличек, Пашечка, Павлик.

Лист оказался быстро исписан, после чего был смят и отправлен в рюкзак.

Нет, над текстом предупреждения надо было еще подумать.

Теперь все школьные уроки неслись мимо Асиной головы. Декабрь пролетал, как в горячке. Стоило Репиной выйти на перемену, остановиться около стены и опустить глаза в пол, как в ее голову вихрем врвались фантазии.

Лес, темная дорога петляет между безмолвными деревьями, только слышно, как хрустит снег под копытами коня...

В ее вымыслах часто присутствовал конь, а иногда вырывалась вперед четверка вороных, запряженных в золотую карету.

Лошади придавали ее историям особую романтичность.

...Вот, значит, едет она верхом, черный жеребец храпит и недовольно дергает головой. И вдруг за поворотом открывается ужасная картина – трое отморозков кого-то бьют ногами. Человек извивается, но не просит пощады, не зовет на помощь.

Конь немедленно встает на дыбы. Раздается оглушительное ржание. Отморозки в панике бросаются прочь. У одного из них в руке появляется длинный нож. Нехорошо поглядывая на Асю, он начинает подкрадываться. Жеребец косится на холодный блеск металла, зло грызет удила. Потом резко разворачивается. В воздухе свистит копыто. Нож летит в одну сторону,

отморозок, держась за разбитую руку, в другую. Слышится победное ржание. Конь опускается на передние ноги, помогая Асе сойти на землю. Утопая в глубоком снегу, она бежит к лежащему человеку, легко переворачивает его на спину. И – о ужас! или – о счастье! – это Павел. Он жив! Он дышит!

Ася прикладывает к его бледным щекам горсть холодного снега. Секунда. Бархатные ресницы дергаются. Он глубоко вздыхает и открывает глаза.

Из-за деревьев показывается заплаканная Курбаленко. Она падает на колени, просит прощения – это ведь она завела Павла в чащобу, где их поджидала опасность, это ведь она даже не подумала заступиться за него. Но Павел Лизу не видит. Он смотрит только на Асю.

– Это ты меня спасла? – негромко спрашивает он. – Я этого никогда не забуду. Я теперь всегда буду с тобой!

Держась за руки, они встают, Павел холодными губами целует ее в щеку. Призывно ржет конь. Павел легко вскакивает в седло, сажает перед собой Асю, и они мчатся по просеке через лес, а навстречу им из-за горизонта поднимается ослепительное солнце.

От фантазий у Аси кружилась голова, сердце бешено стучало. Она так ярко все видела, что потом какое-то время не могла понять, где находится. Куда подевался лес и почему она сидит на стуле или стоит в коридоре около стены, а не изящно гарцует на красивом скакуне?

Павла надо спасать! Как же это сделать? Записку написать у нее не получилось. Подойти и просто сказать – тем более.

– Ну так вот... – Царькова говорила уже давно, но только сейчас Ася поняла, что обращаются к ней. – Она из кожи вон лезет, чтобы он ее заметил. А он – по нулям. Вообще! Словно ее и нет.

– Светка, зачем ты худеешь? – прервала этот бестолковый поток слов Репина, забыв, что уже спрашивала ее об этом когда-то.

После отъезда Гараевой Асе оказалось совершенно не с кем общаться. Все уже давно разбились на парочки, притерлись друг к другу, и никто не собирался ради страдающей Аси менять установившиеся порядки. Так и получилось, что среди большого класса, находясь постоянно в толпе людей, Репина чувствовала себя одиноко.

«Незадействованной» в 9 «А» оставалась одна Царькова. Она не то что ни с кем не дружила или с ней отказывался кто-то общаться, просто она легко уживалась в состоянии полудружбы со всеми. Светка спокойно могла подойти к кому угодно и заговорить с ним о чем угодно.

Ася же чувствовала постоянную неловкость. Она была не из тех, кто первым начинает дружить. Репина с удовольствием к кому-нибудь пристроилась бы. Но все были заняты, и единственной свободной оказалась Царькова, вот Ася и «зависала» время от времени рядом с ее партой.

– А что еще делать? – подняла пушистую бровь Светка. – Надо же чем-то себя занимать!

Странная это была причина для столь мучительных внешних преобразований. Но с другой стороны, когда действительно делать больше нечего...

Репиной тоже особенно заниматься было нечем – ни в какие секции и кружки она никогда не ходила, марки не собирала, музыкой не увлекалась. Все это требовало определенных усилий, на которые она была не способна. Ей больше нравилось мечтать. Забраться с ногами в кресло или встать коленками на стул и уставиться в окно. Там по дорожкам, осенью и весной мокрым, засыпанным опавшими листьями или еще не очистившимся от снега, зимой – занесенным сугробами, а летом – сухим и жестким, – так вот, там ходили люди. И у каждого была своя история. И как было здорово эти истории придумывать! Телевизор смотреть не надо, все можно было и так вообразить.

Но вот именно сейчас ничего толкового у Аси не придумывалось. Над красивой головой Павла сгущались нешуточные тучи, а она бездействовала.

А что сделаешь, если рядом с ним неотлучно вертится Курбаленко! Она Быковского не оставляла ни на секунду. Только если на улице...

– Что там у Леры? – как всегда, не в кассу и, как всегда, с большим опозданием спросила Царькова. – Звонит?

– Нет, – вздохнула Ася. – Один раз только позвонила. И то связь оборвалась.

– Значит, она Быковскому звонит, – легко предположила Светка.

Репина удивленно уставилась на одноклассницу. Нет, все-таки и Царькова иногда могла выдать что-то умное. Надо найти повод подойти к Быковскому, завести непринужденный разговор и между делом узнать: а вдруг и правда они уже обо всем с Гараевой договорились?

И Ася стала искать повод. Но он, как назло, все не подворачивался и не подворачивался. Впрочем, темы для беседы у Репиной тоже не было. Спросить о погоде? Ни за что! Он ее еще примет за дурочку. Значит, надо о чем-то глобальном. Например: где он будет встречать Новый год? Или – как идут занятия в музыкальной школе? Или – как он рассматривает внутреннюю политику их страны, как прогрессирующую или регрессирующую?

Вот, кажется, о политике – самая подходящая тема.

Ася перепугала папу, спросив, какую бы газету почитать, чтобы лучше узнать...

– ...О нашей внутренней политике, – с трудом выговорила она и, решив, что этого может оказаться недостаточно, добавила: – И о внешней тоже. Особенно ситуация на Ближнем Востоке меня беспокоит.

О Ближнем Востоке она слышала по телевизору. Конечно, можно было никакие газеты не читать, а все узнать из новостей по телевизору. Но в новостях диктор слишком быстро тарбанит текст, словно ему самому не интересно, что там, на этом несчастном Ближнем Востоке, происходит, так что Репиной ни разу еще ничего не удавалось запомнить. Ни одного имени или названия населенного пункта. А вдруг Павел решит углубиться в детали? А там еще ведь и Дальний Восток есть. И вполне возможно, что Средний тоже. Нет, напечатанный текст куда надежней.

– Ну... – растерянно пробормотал папа, отрываясь от книги. – Возьми газету «Известия» или «Коммерсантъ». Хотя в «Коммерсанте», наверное, про внутреннюю политику не очень много пишут. А что случилось-то? В школе задали?

– Задали, – буркнула Репина, подбирая с журнального столика выданную ей мелочь на покупку периодических изданий. – Еще как задали!

В киоске с газетами оказалось негусто.

– «Вечерка» только, – буркнула толстая тетка и исчезла в пуховых объятиях огромного платка.

Ася сунула в окошко кулачок с мелочью. Полученную газету нежно прижала к себе. Это было ее спасение. Это была ее последняя надежда.

Первое знакомство с печатным изданием оказалось неприятным. Газета сильно пачкала руки, пальцы тут же стали черными, а потом этот неприятный черный налет обнаружился на боках светлой сумки и на подоле куртки – вероятно, Ася в задумчивости провела по нему рукой.

В сердцах Репина чуть не выкинула газету в первую же урну. Это надо же, какая невезуха! Развернуть не успела, а уже такая гадость.

Она зло скомкала податливую бумагу, но в последний момент передумала. Что же, она зря деньги тратила? А потом, можно с этой газетой и не носиться, выписать имена на бумажку, и все.

На улице под снегом газета намокла и покорибилась. На сгибах текст уже не читался. Если так пойдет дальше, то кладезь ценной информации растает у нее в руках и Репина не узнает, что происходит на этом несчастном Ближнем Востоке.

Ася добежала до дома, быстро переоделась и забралась в кресло.

Так, посмотрим, что творится в мире! Она пробежала взглядом по заголовкам, про Ближний Восток – ни слова.

«Золотовалютный резерв РФ и других развивающихся стран (таких как Китай и Сингапур) помогут мировой экономике пережить нынешний кризис».

О чем это они? Где мы, а где Сингапур!

«Изнанка китайского чуда».

Вот оно! На фотографии – полуголый тощий китаец. Что-то про эксплуатацию труда.

Опять не то.

Чемпионат по теннису в Австралии.

Умер актер...

Нет, лучше о золоте. Здесь что-то понятное и не такое мрачное.

После третьего прочтения узкого столбца Репина поняла, что эту абракадабру она ни в жизнь не запомнит. По телевизору это все звучало проще.

Из кухни раздались призывные звуки заставки «Спокойной ночи, малыши!». Пятилетние Санька и Ванька отвоевывали себе право не ложиться спать рано. Сначала передача про Смешариков, потом Хрюша со Степашкой, потом можно еще что-нибудь урвать.

Нет, урвать им сегодня не удастся.

– Спокойной ночи, ребята, – пожелал вежливый Филя.

– Кар, кар, кар! – повела глазами в сторону Каркуша.

– А ну, разбежались! – влетела на кухню Ася и подхватила со стола пульт. – Мне надо новости смотреть!

Она стерла с экрана уплывающую кровать – кадр из заключительной заставки «Спокойных ночей».

– Куда? – Половник полетел в раковину, и мать начала быстро вытирать руки полотенцем. – Верни обратно! Там же сейчас будет!..

– У меня новости! – Ася увернулась от протянутой руки и вдавила кнопку переключения каналов, перескочив на что-то развлекательно-дециметровое.

– Ну, и какие новости ты собираешься здесь смотреть?

Все уставились в телевизор, по которому теперь лихо неслась полицейская машина с мигалкой, а мужик в кожаной куртке бежал от нее в подворотню.

– Сейчас найду и буду смотреть! – упрямылась Репина. Кнопка запала, и теперь каналы весело сменяли друг друга, не давая возможности понять, что мелькает на экране. Взрыв. Человек пьет воду. Фигуристка закружилась на одном месте. Черная спина...

– Отец, ты гляди, что она делает! – не выдержала мама.

– Мультки! – первым заголосил Ванька.

– Папка! – бросился за помощью более сообразительный Санька.

– А ну верни! – пыталась всех перекричать мать.

– Мультки! – верещал с надрывом Ванька.

– Отвали в кровать, – отпихнула маленького брата Ася. – Ща вообще пульт в окно выброшу.

– Отец! Я тебе выброшу! – Мать хлопнула Репину по спине полотенцем.

– Мне для школы! – не сдавалась Ася.

– Мама! Мама! Чего она? – Ванька уже готов был зареветь.

– Ну что ты? – появился на кухне отец, на руках у него сидел Санька. – Все равно они тебе не дадут ничего посмотреть.

– А мне надо! – не унималась Репина.

– Утром посмотришь!

Воспользовавшись тем, что дочь отвлеклась, мать ловко выхватила пульт и попыталась нажать на кнопку, но каналы самовольно продолжали мелькать на экране.

– Отец, – ахнула мать. – Ты гляди, что она сделала!
– Мультки! – на одной ноте тянул Ванька.
– Я вам тут сейчас устрою мультки! – рассердилась мать. – А ну живо все в комнату!
– Активнее, активнее! – быстро оценил ситуацию отец, ссаживая Саньку с рук. – Кто первым добежит до кровати, тот будет с игрушкой спать.
– Я! – взвизгнул сообразительный Санька.
– А мультки? – не повелся на папину хитрость Ванька.
Отец выключил страдающий заиканием телевизор и повернулся к сыну.
– Кончились, – развел он руками. – И новости тоже.
– А фильм?
– Кто последний, тот моет посуду!
Всех, кроме мамы, ветром сдуло с кухни.
Ася снова забралась в свое любимое кресло.
Санька с Ванькой еще возились, вырывая друг у друга медведя. Чтобы их крики были не очень слышны, папа поставил им диск с музыкальной сказкой, а сам снова взял книгу.
– Пап! – буркнула Ася. Нос уютно устроился в сгибе локтя, поэтому голос прозвучал глухо. – Пап!
– Угм...
Конечно, отрывать отца от книги – занятие бесполезное. Особенно если сейчас у него там происходило что-то интересное. Но Репина больше терпеть не могла.
– Пап, а мальчишки, вообще, внимательные?
– Внимательные! – С шелестом перевернулась страница. – А еще они умеют хранить тайны.
– Какие это тайны? – Асин нос вынырнул из локтя.
– Ну, например, я заметил, что ты уже третий день не ужинаешь, все чаи гоняешь, но никому не сказал.
Репина снова скрючилась в кресле.
– Я серьезно, – пробурчала она.
– И я серьезно. – Отец отложил книгу и с удовольствием потянулся. – Что ты киснешь? Вон, уже позеленела вся. Занялась бы чем-нибудь. Все твои страдания – от безделья. И зачем тебе сдался этот Ближний Восток? Доклад надо сделать?
– Еще какой! – Ася почесала нос о жесткую шерсть свитера. – Пап, а мальчишки любить умеют?
– Через одного. – Папа потер глаза и снова взял книгу. – Некоторые умеют, а другие еще не научились.
– А разве так бывает: сначала говорит, что любит, а потом с другой ходит?
– В жизни все бывает. – Папа зевнул, поудобнее устраиваясь на диване.
– Но разве же это любовь? – Почему-то вдруг сразу захотелось плакать, поэтому Ася еще глубже закопалась носом в сгиб локтя и зажмурилась.
– Любовь бывает разная, – философски изрек папа. Репина всхлипнула. – Эй, ты что? – выпрямился он, поворачиваясь в сторону дочери. – Обидел кто-то?
– А Гараева... – Сдерживаться Ася больше не могла. – Он ей говорил... А теперь...
Сидеть сил не было. Она соскочила с кресла и бросилась в коридор. Бешеная злоба не давала остановиться, подумать, понять. Раздраженно, резко она стала натягивать на себя сначала сапоги, потом куртку и шапку. Хорошо хоть свитер и джинсы она не успела переодеть.
– Куда? – запоздало вышел в коридор отец.
– Да приду я, приду! – выдохнула Ася и, захлебнувшись, всхлипнула. Стало легче.
С трудом переставляя ноги, она вышла на лестничную площадку и тяжело привалилась к стене.

Дальше идти не хотелось. Она бы осталась около лифта, если бы не прокуренный воздух лестницы – дышать здесь было нечем.

Репина сбегала вниз, хлопнула тугой дверью.

Все шло наперекосяк. Раньше ее из дома было не выгнать. Она испытывала болезненное удовольствие, оттого что сидит в своем кресле и просто смотрит перед собой, или листает книжку, или слушает, как ругаются Санька с Ванькой.

А теперь ей было тяжело там находиться. И не быть дома, оказывается, тоже тяжело. Все вдруг оказалось таким сложным и запутанным...

Репина шагнула из-под козырька подъезда, и сбоку на нее тут же налетела здоровая лохматая собака. Она появилась до того внезапно, что Репина заорала и бросилась бежать.

– Цезарь, Цезарь! – донеслось сзади, и Ася остановилась, разозлившись сама на себя. Вот ведь дура-то, а? Нашла, кого испугаться! Этого дурацкого пса давно надо было прибить, выскакивает, как сумасшедший.

– Нервы ни к черту, – прошептала она любимую мамину присказку. Все, прогулок с нее на сегодня достаточно.

Репина повернулась, чтобы пойти обратно, когда из-за ближайших кустов послышалось негромкое перешептывание, а потом вдруг раздался гитарный перебор.

Здрасьте, приехали! Нашли время песни орать!

– Когда в мой дом любимая вошла... – затянул неуверенный голос, но его перебили дружным смехом. На это веселье тут же отозвался лаем Цезарь. В кустах разразились новым приступом хохота. Цезарь хрипел и рвался из рук приземистого старичка, что веселило компанию в кустах еще больше.

– А вдруг кинется? – притворно ахнул женский голос. Кусты зашевелились, кто-то попытался из них выглянуть.

– И разорвет, – подтвердил мужской голос.

Новый смех перекрыл возмущенные хрипы Цезаря.

– Ой! – Девушка выбралась из своего укрытия и с изумлением уставилась на Репину. – Это ты гавкала?

– И выла, – огрызнулась Ася, не думая двигаться с места.

– Кто там?

Затрещали ветки. Из кустов показался парень. Взрослый. Высокий. Широкое светлое лицо. На голове темная шапка.

– Это ты – Цезарь? – весело спросил парень.

– Дурак! – фыркнула Репина и бегом бросилась обратно к подъезду. Она узнала парня, это был Олег из их дома.

– Эй, что с тобой? – раздалось за ее спиной, но оборачиваться Ася не стала. В сердцах только пожелала, чтобы всех на свете певцов покусал Цезарь, и от души хлопнула входной дверью.

«Вот ненормальные, – раздраженно думала она, поднимаясь по лестнице. – Они бы еще дискотеку в кустах устроили».

От ужина Репина отказалась и сразу забралась в постель. В последнее время ей не хотелось есть. Может, она теперь из солидарности с Царьковой будет худеть? А что, это мысль! Тем более что других развлечений и правда не предвидится.

Утром Ася не удержалась и заглянула в кусты, где вчера сидели любители петь в сугробах. Снег там был старательно утрамбован, стоял перевернутый ящик из-под фруктов, валялись бутылка из-под газировки и фантики.

М-да... Романтика.

Всю дорогу в школу она думала о том, до какой же степени разными бывают люди: ненормальность одних вполне может оказаться нормальностью для других. Она ни за что не стала бы сидеть на улице, вечером, в мороз. Да еще и петь песни!

А ведь некоторые в походы ходят, на снегу спят. Бр-р-р... Как подумаешь, сразу холодно становится.

С этими мыслями Ася незаметно для себя дошла до школы. На крыльце кто-то стоял, мешая пройти. Она обогнула его, непроизвольно толкнув – нет, ну, правда, стоит ведь прямо на дороге!

– Двигайся давай! – недовольно буркнула Репина и подняла голову, чтобы разглядеть этого задумчивого субъекта, решившего немного поиграть в столбняк.

Мешавший пройти парень послушно шагнул вперед и уже в дверях повернулся.

Если бы Репина не была увлечена мыслями о вчерашних сумасшедших, обосновавшихся в сугробе, она бы ни за что так не ошиблась. Ведь перед ней стоял Павел.

Павлик. Павлушечка. Павличек.

Быковский улыбнулся.

– Погода сегодня... – пробормотала Репина. Что же дальше? Говорить, говорить, обязательно говорить, не молчать! Но в голове, как назло, было пусто.

– Да... – вдруг радостно подхватил Павел. – Сегодня хорошо. – И вошел внутрь.

– Снег... – Ася растопырила пятерню, пытаясь подобрать нужное определение к слову снег – мягкий, пушистый, красивый, белый. – Белый.

– Ну да, – согласился Быковский, отворачиваясь. Еще чуть-чуть, и он совсем потеряет к ней интерес.

– В Сингапуре добывают алмазы, – таинственным полусшепотом произнесла Репина, понимая, что несет полную чушь. Уж лучше бы она заговорила о ситуации на Ближнем Востоке!

– Что? – снова посмотрел на нее Павел.

Вот он, ее звездный час. Сейчас или никогда!

– А ты...

– От Леры никаких вестей?

– Она обещала тебе позвонить, – неожиданно для себя соврала Ася. – Не звонила?

– Наверное, на маму попала. – Быковский был спокоен. – Мама могла не передать.

– А ты ее любишь? – теряя голос, прошептала Репина.

– Быковский! Ну ты где?

Курбаленко уверенно шла по холлу, с видом хозяйки глядя на Павла.

Асе вдруг стало жарко, щеки налились тяжелой краснотой.

– Что у тебя тут? – демонстративно громко спросила Лиза. – Это кто?

– Будь осторожен! – выкрикнула Репина, бросаясь прочь.

Далеко она не убежала. В раздевалке ее перехватила Жеребцова. От неожиданности Репина выронила рюкзак. По полу разлетелись учебники и многочисленные бумажки.

– Что сказал? – Жеребцова легко наклонилась, подбирая скомканный листок, отлетевший к ее ногам, и машинально разворачивая его.

– Лера ему не звонила. – Репина быстро записывала учебники обратно в рюкзак, боясь поднять голову: а вдруг сейчас-то все и станет ясно! – Она ничего не знает.

Мимо них по холлу прошли Павел с Лизой. Она что-то говорила ему, активно размахивая руками.

– Ну ладно, недолго им гулять осталось, – мрачно пообещала Наташка, пряча найденную записку в карман.

Глава третья

Показательные выступления

Лера все не звонила и не звонила. И с каждым днем это молчание становилось тягостней. Что у нее там могло происходить, почему она вдруг обо всех забыла? Или у нее действительно большие проблемы?

От всех этих вопросов у Репиной кружилась голова. А может, оттого, что она совсем перестала есть?

Глядеть на еду в последнее время ей не хотелось. Вид колбасы с белыми кубиками сала вызывал тошноту, каша с желтоватым озером масла по центру заставляла морщиться, коричнево-зеленые щи с кружками топленого жира рождали нехорошее бурчание в животе.

То, что ее не тянуло к еде, было даже хорошо. Если ей предстоит завоевать внимание Павла, то не мешало бы немного измениться.

– Ты что это такая зеленая? – спросила однажды Царькова.

– Я не зеленая, – обиделась Ася. – Я худею.

Уж Царькова-то могла бы ее понять и не лезть со своими вопросами!

Репиной как раз не казалось, что выглядеть она стала хуже. Наоборот: щеки ввалились, живот подтянулся. Правда, при этом не очень красиво оголились ребра и коленки стали некажисто-острыми, но она же не собирается ни перед кем раздеваться. Наденет юбку подлиннее, свитер потолще, и все будет хорошо.

От осознания Асей своего внешнего совершенства события в классе лучше не становились. Жеребцова вдруг развернула невероятно активную деятельность, и за день до окончания четверти на ее парте оказался небольшой прямоугольник картона, на котором веселая вереница шаров, держась за руки, шагала к многоэтажному дому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.